

Радостные итоги

«...Никто никогда не умел так великолепно повышать температуру трудовой энергии, как это умеет делать партия, организованная гением Владимира Ленина...»

Эти слова Горького невольно приходят на память, когда вчитываясь в опубликованное вчера Сообщение ЦСУ об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства нашей страны за первое полугодие нынешнего года.

Многочисленные цифровые показатели, приведенные в Сообщении, говорят о великой созидательной энергии народа, отражающей результаты его мирного творческого труда, результаты огромной организаторской работы Коммунистической партии.

Радостные итоги! Всему и здраво свидетельствуют они о новом большом подъеме нашей социалистической экономики, о дальнейшем повышении материального благосостояния и культурного уровня советских людей.

В минувшем полугодии продолжала успешно развиваться тяжелая промышленность, составляющая основу основ могущества нашей Родины. Нереволюционный полугодовой план добчики угля и нефти, производства пропаганды и электроэнергии, выпуска тракторов и грузовых автомобилей, металлокрепежных станков и многих других важнейших видов промышленной продукции.

Неуклонно росло и производство товаров народного потребления; значительное количество их выпущено сверх плана.

Предприятия детской и пищевой промышленности, учитывая различные запросы и высокую покупательную способность населения, увеличили выпуск продукции улучшенного ассортимента. Заметно выросло производство предметов культурно-бытового назначения домашнего обихода.

Радуют всех советских людей серьезные достижения нашего социалистического сельского хозяйства. Колхозы, машинно-тракторные станции и совхозы страны успешно провели весенние полевые работы, перевыполнив план сева яровых культур. Еще более окрепла техническая вооруженность сельского хозяйства. В минувшем полугодии она получила 92 тысячи тракторов (в 15-силном исчислении), 52 тысячи грузовых автомобилей, 18 тысяч зерновых комбайнов, 15 тысяч тракторных и сажемохонных сенокосилок, 5 тысяч картофелесборочных комбайнов, массовое производство которых началось в этом году, а также большое количество хлопкоуборочных машин, свеклосажемохонных, льнокомбайнов, зерноочистительных и других сельскохозяйственных машин.

Славный трудовой подвиг совершили советские люди в районах освоения целинных и залежных земель. Из 13 миллионов гектаров, которые должны быть подняты в течение двух лет в Бахрейне, Сибири, на Урале, на Северном Кавказе и в Поволжье, на 10 июля уже вспахано под урожай текущего и будущего года около 10 миллионов гектаров! И еще две примечательные цифры: государственным планом предусматривалось посеять на целинных и залежных землях весной нынешнего года 2,3 миллиона гектаров зерновых культур, фактически же было посеяно 3,6 миллиона гектаров.

По зову партии сотни тысяч механизаторов, специалистов сельского хозяйства направились на работу в деревни. Численность рабочих и служащих, занятых сегодня в машинно-тракторных станциях и совхозах, увеличилась в сравнении с первым полугодием прошлого года на 2 миллиона 300 тысяч человек.

Так, последовательно, настойчиво, широким фронтом решается поставленная партией и правительству задача кругового подъема сельского хозяйства. Так день ото дня крепнет помощь социалистического города деревне, становится еще более прочным союз рабочего класса и колхозного крестьянства.

В огромных размерах ведется в нашей стране капитальное строительство, особенно строительство жилых домов, школ, учреждений здравоохранения, детских садов, яслей, кинотеатров и других культурно-бытовых учреждений. Объем капитальных вложений в жилищное строительство составил в минувшем полугодии 120 процентов к первому полугодию прошлого года.

Около 22 миллионов советских граждан уже использовали в этом году очередные отпуска, предоставленные в нашей стране всем рабочим и служащим с сохранением заработной платы. Многие провели свой отпуск в санаториях и домах отдыха по путевкам, полученным бесплатно или по льготным ценам. Значительно больше детей, чем в прошлом году, побывали в пионерских лагерях, выехали на дачи с детскими садами и яслими.

Баждий советский человек повседневно ощущает заботу партии и правительства о благе народа. Каждый видит, что развитие и совершенствование общественного производства осуществляется у нас, в конечном счете, для того, чтобы все лучше, крайне была жизнь наших людей, чтобы вполне удовлетворялись их растущие материальные и культурные потребности. И, вдумываясь в цифры и факты, составляющие Сообщение ЦСУ, каждый из нас может сказать словами поэта:

— Очень правильная
эта
советская власть.

Но не только об успехах и достижениях повествует Сообщение ЦСУ. В нем говорится и о недостатках, упущениях, недоделках, о не использованных еще резервах и возможностях, которые мы так богочестиво производим.

Сообщение ЦСУ об итогах выполнения народнохозяйственного плана за первое полугодие 1954 года мобилизует советских людей на устранение недостатков, вдохновляет на новые успехи в осуществлении заданий пятой пятилетки, на новые победы в великим коммунистическом строительстве.

КО ДНЮ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

ОБЛИК СОВЕТСКОГО МОРЯКА

1.

Этот разговор на страницах писательской газеты мне хочется начать с воспоминания о книгах — книгах, которые в годы войны помогали нам побеждать, работать, учиться, держать флот в постоянной боевой готовности. Я имею в виду самые книги, которые точно так же помогают строить жизнь рабочим и колхозникам, врачам и инженерам, завоевателям целины и покорителям Арктики, — художественную литературу.

У нас подводники Северного Флота, были в Отечественную войну немало. Но, думая о личном составе, о технике, о боеприпасах, мы никогда не забывали и о «моральном оружии» — о книгах. Библиотека корабля неизменно обновлялась перед каждым походом.

И вот наши советские моряки шли в далёкий край, в тело противника, шли в смертельный бой, а много читали, смеялись не счастью, в часы и минуты, когда не было перед глазами противника. Читали Горького, Толстого, Чехова, Тургенева, читали Пушкина, Лермонтова, Маяковского, читали Новикова-Прибоя, Шолохова, Фадеева, Эренбурга, Соболева, Леонова... Книги стояли на вооружении боевого корабля наряду с торпедами и снарядами, горючим для машин и кислородом для команды.

Как же благодарны мы были тем прозаикам и поэтам, которые рассказывали нам о нас самих, о моряках! Помню, был у нас на Северном флоте поэт В. Лебедев-Кумач. Когда он однажды прочитал нам свои новые стихи, многие из старых «морских волков» до слез были взволнованы этими простыми, честными, бесхитростными строками:

Помню, сколько горячих разговоров вызвал в конце войны пьеса Б. Лавренцева «За тех, кто в море», родившаяся, если не ошибаюсь, тоже у нас, на Севере. Меня, как и многих других офицеров, пригласили на просмотр спектакля.

Многим понравилось увиденное. Иные находили неточности — видно, слишком

удалось для нас показанные события. Некоторых обидел образ писателяличной славы Боровского: показал, все мы казались друг другу лучшими, чем были на самом деле, и тип этот, зорко подсмотренный драматургом в жизни, выглядел для нас преувеличенно, неверным.

А потом, слушая высказывание одного своего боевого друга, говорившего, каким он хотел бы увидеть в пьесе положительного героя, я подумал: «Да ты, брат, себя ведь хочешь увидеть!»

Но даже самые простые, возникающие вокруг новых книг, пьес, фильмов, будят мысль, заставляют думать и уже тем более, что мы читали — читатели искренне, горячие, заинтересованные. Я видел, как у близких были для нас показанные события. Некоторых обидел образ писателяличной славы Боровского: показал, все мы казались друг другу лучшими, чем были на самом деле, и тип этот, зорко подсмотренный драматургом в жизни, выглядел для нас преувеличенно, неверным.

Но вот сегодня, в канун славного праздника Военно-Морского Флота, я вдруг с изумлением удивленным поимал себя на мысли, что все эти юноши были моряками, когда мы уходили в боевые походы. Сейчас им по двадцать лет, значит, войну они встретили семидесятыми... А ведь мы должны воспитывать этих людей, передать им славные традиции русского и советского флота.

Думая об этом, я часто вспоминаю концовку одного из рассказов Л. Соболева.

«...И они встали в рост — четыре человека в полосатых тельняшках, в черных бескозырках, окровавленных, перевязанных обрывками фланелей, но сильные и готовые снова прорваться сквозь сотни врагов. И, видимо, сами они поразились своей экипировкой. И Перенелица сказал:

— Одни моряки — моряки, два моряка — волды, три моряка — рога... Сколько нас? Четверо... Батальон, слушай мою команду: идемте... ари!»

На флоте я служу почти тридцать лет. Плавал на разных морях, знал моряков различного характера и разных эпох, встречалась с ними в мирной обстановке и на фронте, на корабле и в быту, — и всегда мог судить о том, как из года в год менялся наше общее культурный и идеально-политический уровень людей, воспитавших свою жизнь морю.

Сам я впервые пришел на корабль матросом с четырехклассным образованием: тогда все были такими — три четырехклассных матросов и с полным средним образованием. Да разве дело в одном образовании? Иррекламные листы приглашали молодые ребята из далекой деревни, так и они успели познакомиться и с трактором, и с комбайном, и с электростанцией. Я уж не говорю о наименованных моряцах, которые с детства избрали себе

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 88 (3272)

Суббота, 24 июля 1954 г.

Цена 40 коп.

ЗАЯВЛЕНИЕ Советского Правительства о Женевском совещании

21 июля закончило свою работу Женевское совещание Министров Иностранных Дел, созданное в соответствии с решением Берлинского совещания для рассмотрения корейского и индо-китайского вопросов.

В результате почти трехмесячной работы подписаны соглашения, которые кладут конец военным действиям во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Эти соглашения направлены на решение важных задач, связанных с восстановлением и укреплением мира во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже на основе, как об этом говорится в Заключительной Декларации, принятой участниками совещания в Женеве, соблюдения независимости и суверенитета, единства и территориальной целостности трех индо-китайских государств.

И прекращение огня в Индо-Китае было достигнуто созданием на территории Вьетнама, Лаоса и Камбоджи военных баз иностранных государств, а также обязательства этих государств не входить в военные союзы и не быть использованными для возобновления военных действий или в целях осуществления агрессивной политики.

Решение Женевского совещания о проведении свободных выборов во Вьетнаме в течение июля 1956 года создает условия для национального объединения Вьетнама в соответствии с национальными интересами и чаяниями всего вьетнамского народа. Это постановление, принятное в результате настойчивых усилий демократических государств, означает поражение трех агрессивных сил, которые стремились к расщеплению Вьетнама с тем, чтобы превратить Южный Вьетнам в один из изъятых проектами нового агрессивного блока в Юго-Восточной Азии.

Серьезное значение имеет также соглашение по проведению в Камбодже и Лаосе в течение 1955 г. всеобщих выборов, как говорится в Заключительной Декларации, путем тайного голосования при соблюдении основных свобод.

Нельзя не отметить, что принятие столь важных постановлений было облегчено положительной позицией французского правительства, продиктованной стремлением действовать в соответствии с национальными интересами Франции и с учетом интересов народов Индо-Китая.

Несмотря на наличие подписанных в Женеве соглашений некоторых оговорок, нельзя недооценивать всей важности этих соглашений уже в силу указанных выше обстоятельств, а также в силу того, что в Женевском совещании удалось преодолеть ряд трудностей, возникших вследствие позиций представителей США, пытающихся помешать успешному завершению работы этого совещания. США не захотели вместе с Францией, Англией, ССР, КНР и другими государствами укрепление международной безопасности, на основе осложнения международной напряженности, на облагораживание международной политики и на обеспечение мирного сосуществования государств, независимо от их общественного строя.

Женевское совещание подтверждает уверенность Советского Правительства в том, что в настоящее время в международных отношениях нет таких спорных вопросов, которые не могли бы быть разрешены путем переговоров и соглашений, направленных на укрепление международной безопасности, на облагораживание других нерешенных важных международных вопросов, на подавление национально-освободительного движения народов Индо-Китая, их законных прав и стремлений к укреплению и независимости, к единству и территориальной целостности.

Но силы войны не смогли за восемь лет тяжелых кровопролитий и разрушений осломить сопротивление народов Индо-Китая. Женевские соглашения знаменуют собой важную победу над всемирным милитаризмом и агрессией.

Сокращаются и американские конгрессмены. Сенатор Ноулзил попросту потерял дар речи и сперва отказался комментировать соглашения, заключенные в Женеве. Сенатор Лимэн заявил о «серьезном поражении США». Сенатор Джексон назвал события в Индо-Китае «поражением для США».

Сенаторы и конгрессмены США подавлены в Индо-Китае.

Сокращаются и американские конгрессмены. Сенатор Ноулзил попросту потерял дар речи и сперва отказался комментировать соглашения, заключенные в Женеве. Сенатор Лимэн заявил о «серьезном поражении США». Сенатор Джексон назвал события в Индо-Китае «поражением для США».

Сокращаются и американские конгрессмены. Сенатор Ноулзил попросту потерял дар речи и сперва отказался комментировать соглашения, заключенные в Женеве. Сенатор Лимэн заявил о «серьезном поражении США». Сенатор Джексон назвал события в Индо-Китае «поражением для США».

Сокращаются и американские конгрессмены. Сенатор Ноулзил попросту потерял дар речи и сперва отказался комментировать соглашения, заключенные в Женеве. Сенатор Лимэн заявил о «серьезном поражении США». Сенатор Джексон назвал события в Индо-Китае «поражением для США».

Сокращаются и американские конгрессмены. Сенатор Ноулзил попросту потерял дар речи и сперва отказался комментировать соглашения, заключенные в Женеве. Сенатор Лимэн заявил о «серьезном поражении США». Сенатор Джексон назвал события в Индо-Китае «поражением для США».

Сокращаются и американские конгрессмены. Сенатор Ноулзил попросту потерял дар речи и сперва отказался комментировать соглашения, заключенные в Женеве. Сенатор Лимэн заявил о «серьезном поражении США». Сенатор Джексон назвал события в Индо-Китае «поражением для США».

Сокращаются и американские конгрессмены. Сенатор Ноулзил попросту потерял дар речи и сперва отказался комментировать соглашения, заключенные в Женеве. Сенатор Лимэн заявил о «серьезном поражении США». Сенатор Джексон назвал события в Индо-Китае «поражением для США».

Сокращаются и американские конгрессмены. Сенатор Ноулзил попросту потерял дар речи и сперва отказался комментировать соглашения, заключенные в Женеве. Сенатор Лимэн заявил о «серьезном поражении США». Сенатор Джексон назвал события в Индо-Китае «поражением для США».

Сокращаются и американские конгрессмены. Сенатор Ноулзил попросту потерял дар речи и сперва отказался комментировать соглашения, заключенные в Женеве. Сенатор Лимэн заявил о «серьезном поражении США». Сенатор Джексон назвал события в Индо-Китае «поражением для США».

Сокращаются и американские конгрессмены. Сенатор Ноулзил попросту потерял дар речи и сперва отказался комментировать соглашения, заключенные в Женеве. Сенатор Лимэн заявил о «серьезном поражении США». Сенатор Джексон назвал события в Индо-Китае «поражением для США».

Сокращаются и американские конгрессмены. Сенатор Ноулзил попросту потерял дар речи и сперва отказался комментировать соглашения, заключенные в Женеве. Сенатор Лимэн заявил о «серьезном поражении США». Сенатор Джексон назвал события в Индо-Китае «поражением для США».

Сокращаются и американские конгрессмены. Сенатор Ноулзил попросту потерял дар речи и сперва отказался комментировать соглашения, заключенные в Женеве. Сенатор Лимэн заявил о «серьезном поражении США». Сенатор Джексон назвал события в Индо-Китае «поражением для США».

Сокращаются и американские конгрессмены. Сенатор Ноулзил попросту потерял дар р

В ПОИСКАХ СТИЛЯ РАБОТЫ

1. ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Два разговора — две точки зрения...

Мы вновь встретились с работниками Министерства угольной промышленности СССР. Десять месяцев назад, вскоре после установления нового режима работы учреждений, мы побывали здесь, говорили с людьми, получившими десятки ответов на вопросы газетной анкеты и основной вывод, выраженный в этих ответах, поставил заголовком в прошлой корреспонденции: «Новый режим дня — новый стиль работы».

С первых же дней работники министерства начали стягивать новый режим для и не задерживались на работе по вечерам. Это сразу многое дало для улучшения быта сотрудников. Да и сейчас во всех семи министерствах, расположенных на площади Ногина, свет вечером остается только в окнах дежурных — режим работы сбывается почти без искажений. Итак, первый бесспорный вывод — можно трудиться в министерствах и без некоторых бедений. Это доказано жизнью.

Но тот же жизненный опыт наглядно показывает, что в этих условиях нормально, спокойно, без рывков и промахов работают только там, где сумели найти новый, наиболее продуктивный стиль работы на своем участке. О поисках нового стиля и беседовали мы со старыми знакомыми из Министерства угольной промышленности — с людьми, которые поделились с нами своими мыслями при первой встрече и ответили на вопросы, заданные в анкете. Из этих новых бесед мы привели для начала высылки двух товарищ — начальника энергомеханического отдела тов. Апресова и руководителя секции технического управления тов. Поверенной. В них выяснились две различные точки зрения на нынешнее состояние дел.

— Работаю я, как правило, до шести, хотя иногда все-таки приходится задерживаться, — рассказывает тов. Поверенная. — Такого рода «нарушения» у нас стараются не замечать и, по-моему, правильно: мы ведь министерство, никого не знаем, с какой стороны какая работа навязывается. Срочное задание министра или его заместителя, срочная справка для Госплана... Без этого не обойтись. А вместе с этой текущей работой не должна стоять и работа наша, плановая, перспективная. Как же все успеть? Я бы, например, была за то, чтобы скратить обеденный перерыв, сделать его не таким обязательным — с двенадцати до часу, а свободным: кончила срочную справку, иди обедай.

— Да, справок, различных бумаг пишем много, — подтверждает тов. Апресов. И тут же делает вывод, прямо противоположный тому, что говорила тов. Поверенная:

— Сократить количество этих бумаг, — говорит она, — это неизбежно.

От разговаривающего творческого обмена мнений не осталось и следа. Два руководящих инженера главка уже не больше являются толкачи-телефонистами. Они будут теперь весь день звонить в другое министерство и, буквально, выскакивать путь многострадальной бумаги номер А-433...

Что же это за бумага?

Эта бумага подписана министром угольной промышленности СССР тов. Засилько: адресована министру тяжелого машиностроения СССР тов. Базаеву. Она немноголистовая. На шахте № 9/12 в Кузнецком бассейне вышла из строя шестерня подъемной машины. Такие крупные детали подъемных машин заводы угольной промышленности изготавливают по моту. Именно поэтому в народнохозяйственном плане и предусмотрено, что заводы Министерства тяжелого машиностроения СССР должны изготавливать ежегодно для технологического оборудования шахт Министерства угольной промышленности СССР 160 тонн запасных частей. И вот, когда появилась необходимость в изготавлении этой шестерни, это было еще в январе нынешнего года, одно министерство обратилось к другому за заказкой, предусмотренной государственными планами помоему. Однако не так-то все оказалось просто. Ведомство машиностроения вступило в бой с великим упором угольной промышленности. Началась поток бумаг. «В постановлении сказано о технологическом оборудовании, а не о шестернях!» — отписалось одно министерство. «Но разве шестерня — не технологическое оборудование?» — возражало другое министерство. «Может быть, шестерня тоже оборудование, но о шестернях ничего не сказано в государственном плане, — поэтому мы вынуждены отказаться от такого заказа!»

И так далее, и тому подобное.

Из соседней комнаты выывает начальник отдела инженер Колмозов. У него в руках, квалифицированные специалисты министерства смогут продуктивнее использовать свое рабочее время и лучше руководить предприятиями на местах. Сходит с места в одном: пока что и того и другого не хватает. Присмотримся к некоторым из этих текущих дел.

2. ДЕЛА, ЗРЯ ТЕКУЩИЕ...

На предприятиях главка, в котором работает тов. Апресов, имеются многие тысячи электромоторов. В какой мере важно главку знать, работает ли один из этих тысяч моторов или не работает? А главк все-таки запрещает — пусть теперь не письменно, а по телефону, но обязательно запрещает. И все тридцать трестов дают сведения, сколько у них работает моторов и сколько не работает, все это записывается, учитывается, обобщается...

Недавним приказом министра официальная отчетность резко сокращена. Однако... Потребовалась вдруг срочная справка руководству — и снова весь отдел сидится за телефонами, чтобы получить те же самые данные для отчета, но уже в «официальном порядке».

Но неудивительно, что, скажем, в комбинате «Сталинуголь» считают, что хотя ведомственная переписка за последние месяцы несколько сократилась, она остается все еще довольно обильной, а спарки по телефону при этом не идут в счет. Объяснение приказа из министерства здесь по-прежнему имплемент в шутку «Тихим Доном».

В управлении, где работает тов. Поверенная, текущие дела растут по иной причине.

Есть такая внутриведомственная операция: «визирование проекта приказа». Подготовлено техническое управление приказ (сумма это доводится делать часто), и тов. Поверенная поручается предварительно засыпывать проект приказа у нескольких начальников главков. И бывает так, что проект броит по министерству, как зараженный, вызывая в себе разноголосковое отношение. Часто примирие все точки зрения невозможно. В таких случаях в интересах дела следует принять решение: выбрать одному из ведомственных мнений. И чем скорее появится такое решение, тем меньше придется тратить силы времени, кто готовит и согласовывает такого рода приказы.

В первом случае работники министерства берут на себя ответственность там, где не нужно, и это порождает линии бумаг и отнимает время, во втором — ответ-

ственности как раз недостает в нужный момент, и снова образуется вереница малоподъемных текущих дел и бумаг. Но мелочная опека и перестраховка — не единственные враги нового стиля.

3. В ПОГОНЕ ЗА БУМАГОЙ № А-433

Онажды утром мы зашли в комнату № 573. Здесь сидят два заместителя начальника управления главного механика — инженеры Меламед и Христов. Оба они сейчас заняты решением важного и злободневного вопроса: как обосновать угольные комбинаты от излишней опеки управления главного механика министерства? Например: до сих пор в приказах министра, составляемых им управлением, упоминается, где и какие лебедки надо устанавливать на шахтах. Зачем такая детализация? Можно ли из Москвы точно указать, где эти лебедки лучше установить — на исполнением приятий решений.

В прошлом году управление комбината «Сталинуголь» перерасходовало на командировки 60 тысяч рублей. А теперь работники комбината сидят в комендировке настолько часто и так надолго, что сумма, предусмотренная для этой цели по смете, только в течении первого квартала оказывается превышенной на 72 тысячи рублей. Ездят не только в Москву, сидят и на шахтах. Но командированные — ответственные работники комбината — неделями выполняют там роль обычных «толкачей».

Чтобы пополнить с безответственностью, чтобы вместо сотни бесполезных бумажек был один документ, безоговорочно важный и окончательный, нужен регулярный и действенный контроль за исполнением приятий решений.

Для пересмотра и «доработки» ранее принятого решения должны быть веские основания. При хорошем стиле работы это — исключение, а никак не правило. Серьезную бумагу надо уважать! Иначе неизвестно «исходящая № 1» будет тянуть за собой бесконечную цепь «входящих» и «исходящих».

Раньше все это вызывало бесконечный поток бумаг, приказов, распоряжений. Иные для пересмотра и изменений уже однажды принятых решений избыточны для «живого общения» — командировкам.

В прошлом году управление комбината «Сталинуголь» перерасходовало на командировки 60 тысяч рублей. А теперь работники комбината сидят в комендировке настолько часто и так надолго, что сумма, предусмотренная для этой цели по смете, только в течении первого квартала оказывается превышенной на 72 тысячи рублей. Ездят не только в Москву, сидят и на шахтах. Но командированные — ответственные работники комбината — неделями выполняют там роль обычных «толкачей».

Чтобы пополнить с безответственностью, чтобы вместо сотни бесполезных бумажек был один документ, безоговорочно важный и окончательный, нужен регулярный и действенный контроль за исполнением приятий решений.

Для пересмотра и «доработки» ранее принятого решения должны быть веские основания. При хорошем стиле работы это — исключение, а никак не правило. Серьезную бумагу надо уважать! Иначе неизвестно «исходящая № 1» будет тянуть за собой бесконечную цепь «входящих» и «исходящих».

4. TO, ЧТО ОТВЛЕКАЕТ ИНЖЕНЕРА ОТ НАСТОЯЩЕГО ДЕЛА

Есть немало инженеров в Министерстве угольной промышленности, которые завидуют Владимиру Дмитриевичу Соснову.

— Интересная работа у этого человека! — говорят они. — Ведь он руководит отделом механизации технического управления по эксплуатации. Именно ему доводится заниматься творческими вопросами, помогающими определить направление национальной механизации в шахтах, и теми ее...

Что же, навестим инженера Соснова, познакомимся с его рабочим днем, поговорим с ним.

И тут оказывается, что на стояле у инженера Соснова все же, уже привыкшие нам толстые папки с бумагами, аккуратно подбитые скрепками нитками...

— Да уж нечто было бы, до канцелярской переписки и дела не должно быть... Моя задача сугубо техническая, инженерная, мне, так сказать, технической политики заниматься... Но вот, послушите сами, комбинат «Приморскуголь» понадобились две врубовые машины. У нас тысячи таких машин, а после появления угольных комбайнов многие из них просто бесполезны. Достаточно было бы работников, сидящих на одном этаже, долго воротиться, и две врубовые машины были бы отправлены из Донбасса на Дальний Восток. Но не тут-то было! По существующим положениям, один комбинат не имеет права сам, без разрешения министра или его заместителя, передать хотя бы одну машину другому комбинату. Это называется «в централизованном порядке»!

И вот пишут заявки, просьбы, ходатайства. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я! А министра или его заместителей разве эта бумажная волокита не загружает, не отвлекает от настоящих, больших, имеющих значение вопросов?

Тоже итак...

И вот пишут заявки, просьбы, ходатайства. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

Итак, инженер Сосновый, начальник комбината «Приморскуголь», пишет заявку, просьбу, ходатайство. А на секретариате министра или заместителя министра эти бумаги идут ко мне — ведь делом механизации занимаюсь я!

</

КНИГИ О ВЕЛИКИХ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТАХ

Мелькают даты, события, имена, называемые книгами и архивами... Перед читателем проходят вехи героической жизни, отраженной в строгих формулах «Летописи». Трудно оторваться от этого сурогового, сдержанного рассказа, потому что сама хроника жизни и борьбы великого революционера — это волнующая школа гражданского мужества, страстных идейных исканий, беззаветной преданности народу, родине. И когда читаешь о трудах днЯ Чернышевского в годы революционной ситуации, развалины Петропавловской крепости, на которую и в смысле, когда мысленно охватывалась все то, что было сделано Добролюбовым для литературы, революции, народа за свой недолгий жизненный путь... невольно вспоминаются вдохновенные ленинские слова о гордости русского пролетариата за свою нацию, которая «доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм...».

Выход в свет монументальных «Летописей жизни и деятельности» Чернышевского и Добролюбова — отрадное явление в жизни советской литературной науки.

Жанр «Летописи», посвященной тому или иному писателю, давно пользуется признанием наших читателей. Правда, не все «Летописи», вышедшие за последние десятилетия, могут быть признаны удачными. На некоторых из них лежала печать узкого биографизма, другие носили поверхностный характер. Важнейший вывод из опыта издания «Летописи» говорит о том, что работа над ими только тогда может быть успешной, когда основана на строго принципиальном, тщательно продуманном отборе материала. В лаконичной и, на первый взгляд, сухой хронике событий должны найти свое выражение главные, ведущие моменты в жизни и деятельности писателя, во всей их сложности и иногда противоречивости. Советским исследователям удалось значительно расширить самый жанр «Летописи»: из спарочного издания для сравнительно небольшого круга специалистов «Летописи» стали в полном смысле слова книгами для чтения. К широкому читателю обращены и «Летописи», посвященные Чернышевскому и Добролюбову. Авторам удалось передать живой облик великих революционных демократов, увлечь читателя своим рассказом об их жизни и борьбе.

Обе «Летописи» служат в известной мере итогом большой исследовательской работы в области изучения биографии, литературной и революционной деятельности Чернышевского и Добролюбова. Авторами использовано большое количество источников, в том числе архивные фонды. Пересмотрены и уточнены многие данные в биографиях писателей, обнаружены материалы, позволяющие внести в их литературное наследие новые тексты, а с другой стороны, устранить из изданий сочинений Чернышевского и Добролюбова ошибочки, присущие ими статьям и рецензиям. Ярко и всесторонне в «Летописях» отражено непосредственное участие Чернышевского и Добролюбова в русском общественном движении тех лет, показана борьба великих писателей с царской цензурой.

Н. М. Чернышевская, «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», Редакция С. Борисовского. Гослитиздат. 1953. 660 стр. С. А. Рейсер, «Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова». Научный редактор В. Жданов. Госкультпросветиздат. 1953. 370 стр.

КИТАЙСКИЕ КИНОРАБОТНИКИ В МОСКВЕ

В настоящее время в столице находятся делегации киноработников Китайской Народной Республики, которую возглавляет исполняющий обязанности начальника Главного управления кинематографии КНР Ван Лань-си. Наши китайские друзья изучают постановку сценарного дела, опыт работы киностудий «Мосфильм», имени Горького, Московской кинокомпании научно-популярных фильмов, Центральной студии кинореакции, кинокомпании «Мультифильм», знакомятся с заводами киноаппаратуры, кинопленочной промышленности, фабриками массовой печати, проектированием кинопредприятий кинотеатров.

Представители китайского кино беседовали с заместителем министра культуры ССР Н. Охлопковым, кинорежиссером С. Герасимовым, писателем В. Кожевниковым.

В ближайшие дни делегация выезжает в Ленинград, а затем в Киев и Одессу.

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

Поэты и критики

Я не критик, и мне трудно писать критическую статью, тем более — статью о критике. Я просто слежу за нашей армянской критикой, читаю почти все статьи и рецензии о моих друзьях-писателях и, разумеется, о себе. В этих статьях и рецензиях много умного, правильного, помогающего и помогающего в нашей работе. Но немало в них, на мой взгляд, противоречивых суждений, ошибочных идей и советов, могущих сойти с толку прозаиков и поэтов, особенно начинающих. Этому тем более можно считать вероятным, что, визуально отсутствия у нас дискуссий и широкого обмена мнениями, ошибочные суждения и советы часто преподносятся в виде критики «административной», претендующей на абсолютную непогрешимость. Обо всем этом я и хочу поделиться мыслями с читателями, в надежде, что они меня понянут, если я в чем-то буду не права.

Одна из многих причин

Советская армянская поэзия в последние годы достигла некоторых успехов. Однако за последние два-три года ее рост заметно замедлился. Мы, поэты, не выходим из привычного узкого круга тем, недостаточно смело подходим к изображению сложных явлений жизни и многогранных чувств советских людей. Не замечаем или равнодушно проходим мимо тех сложных и трудных вопросов, разрешением которых в первую очередь мы призваны помочь народу, партии. Чем же иначе объяснить, что после сентябрьского Пленума ЦК КПСС у нас не появилось ни одного значительного произведения о сегодняшней деревне? Мы читаем по легкому пути, когда пишем всякого рода «праздничные», «юбилейные» стихи. При создании таких стихов нам не всегда сопутствует чувство необходимости быть полезным народу — единственное чувство, которое придает писателю силу, уверенность, является его чистотой и чистотой новаторства. Характерно, что даже те самые сейчас появляющиеся у того или иного нашего поэта, не воспринимаются читателями, как нечто новое ни по темам, ни по способам выражения. Читатель молча объединяет их с ранее созданными удачными стихами. Я

однажды думал, что стихи, созданные нами сегодня, по своей художественной силе слабее ранее написанных. Нет, иногда даже сильнее! Все дело в том, что они новы только по дате написания, а не по поэтическому новаторству темы.

Сегодняшним состоянием нашей поэзии и критики справедливо недовольны и поэты и читатели. Но многие критики, которые еще вчера не замечали, а порой и действовали своим «советским» созданию такого положения в нашей поэзии, сейчас, «другую поумнев», удалились в другую крайность — в нигилизм. Они говорят о языке неверном творческом пути, на котором стоит вся армянская поэзия нации, о ее пестротипном развитии и о том, что она отстает не только от поэзии прошлых лет, но и от поэзии... 30-х годов. Именно таков дух недавних выступлений критика Е. Тамразяна на диспуте о поэзии, а затем в статье, напечатанной в журнале «Советская граканутюн ев аրօտ» («Советская литература и искусство») в № 4 за 1954 год.

Конечно, в том, что в нашей поэзии много недостатков, виноваты, в первую очередь, сами поэты. Самый приоритетный критик не может «существовать» и сам бездарный редактор не может напечатать плохие стихи, если они не были созданы. Но знает ли это, что нам все равно существует или нет настоящий критик? Разве критика не должна быть национальной, а не национальной? Безусловно, сказана. Безусловно, играет.

Правда, находятся еще равнодушные или случайные в литературе люди, которые думают, что критика не влияет на развитие художественной литературы: крупным поэтам, дескать, никого не вредила ошибочная критика. Но нужно опровергнуть это странное, мягко выражаясь, мнение.

Многие наши критики с удовольствием соглашаются с тем, что литературная критика влияет на поэзию благотворно (при этом часто преувеличивая степень влияния). Но почему же они забывают эту взаимосвязь, когда речь заходит об ошибках и недостатках критики, как об одной из важных причин отставания нашей се-

годняшней поэзии. Наши критики вообще не любят говорить о собственных слабостях. Читательский интерес будет искать в критических статьях — и в крупных, «обобщающих», и в мелких, рецензиях, — упоминания об ошибках и недостатках критики. А ведь сам критик должен помнить не только о хорошем в своей работе, он должен уметь признавать и правильно, принципиально оценивать свои прошлые ошибки.

Об этом следует говорить не только потому, что искренне ошибиться можно, только мгновенно и осмысленно, но и потому, что многие из этих ошибок продолжают приносить вред нашей поэзии и сегодня. Именно об этих ошибках и хочу я поговорить, никак не жалась умалить тем самым достижения нашей критики.

«Где автор видел это?»

Развитие нашей поэзии серьезно тормозилось теми критиками-вульгаризаторами, которые упорно пытались превратить писателя в некоего тамаду, произносящего рифмованные гости о том, как все вокруг хорошо и весело. Достаточно было писателю создать, скажем, отрицательный образ бухареста, произносящего государственные деньги, как критик хватал писателя за руку и грозно вопрошал: «Где автор видел это?» Так же, по сути, вопрос был задан критиками, рецензировавшими роман А. Саянья «Путь-дороги», где один из героях разводится с женой.

Так же ханжески подходили иногда критики к анализу поэтических произведений, злоупотребляя обличением поэта в у钊ничестве и субъективизме. Пост Р. Овanesyan написал «Песню пограничника». В этом стихотворении молодой пограничник, обращаясь к Родине, говорит:

Я не брошу своего поста.
Не нарушу свою святыню клятву,
Если бы даже пришло погибнуть
на границе,

(Подстрочный перевод)

Внутренние рецензенты, а вслед за ними и редакторы издательства вспоминались: «Как это «погибнуть»? Да мыслимо ли это дело? Где это видано, чтобы советский пограничник погиб? У钊ничества!» И стихи молодого поэта были «отредактированы» и напечатаны в таком виде:

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

Спектакль о настоящем человеке

...Спектакль идет в 40-й раз, однако зрительный зал театра имени ХХХ-летия Ленинского комсомола в городе Дзержинске 1861 года трафаретная формула — «по воду денежных дел» — поглотила творческий вопрос выдающейся украинской писательницы судьбе вождя русской революции Бориса Полевого? И неудивительно, что зрители внимательно следят за действием писательницы о судьбе вождя русской революции «Бориса Полевого?» Мало кто из читателей вспоминает этот писательский материал был бы огромным материалом для раскрытия полнее и многостороннее.

Крайне неопределенны принципы, следуя которым составитель вводит в «Летопись» современные Добролюбову общественно-политические события. Упоминается, например, об образовании «Бутырского комитета» или об отставке одного из приближенных Николая I Белинского, хотя необходимость включать эти факты в «Летопись» жизни и деятельности Добролюбова сомнительна.

Общепринятое мнение, что инсценеров неизбежно поддается сценарию, следя за которым составитель вводит в «Летопись» современные Добролюбову общественно-политические события. Упоминается, например, об образовании «Бутырского комитета» или об отставке одного из приближенных Николая I Белинского, хотя необходимость включать эти факты в «Летопись» жизни и деятельности Добролюбова сомнительна.

Составитель неуклонно придерживается принципов, сложившихся в «Летописи» современного Добролюбова в глазах современного читателя. Так, в одном письме 1846 года Чернышевский, говоря о том, что сотрудники «Современника» будут «все наши теперь действующие и пишущие знаменитые люди», называет ими Белинского, Майкова, Искандера, Плетнева. В «Летописи» остаются лишь имена Белинского и Искандера, вероятно, из ложной боязни, что читатель заподозрит молодого Чернышевского в излишних симпатиях к литературной деятельности Б. Майкова или Плетнева. От многоточий до тута и драматического переживания.

Составитель неуклонно придерживается принципов, сложившихся в «Летописи» современного Добролюбова в глазах современного читателя. Так, в одном письме 1846 года Чернышевский, говоря о том, что сотрудники «Современника» будут «все наши теперь действующие и пишущие знаменитые люди», называет ими Белинского, Майкова, Искандера, Плетнева. В «Летописи» остаются лишь имена Белинского и Искандера, вероятно, из ложной боязни, что читатель заподозрит молодого Чернышевского в излишних симпатиях к литературной деятельности Б. Майкова или Плетнева. От многоточий до тута и драматического переживания.

Составитель неуклонно придерживается принципов, сложившихся в «Летописи» современного Добролюбова в глазах современного читателя. Так, в одном письме 1846 года Чернышевский, говоря о том, что сотрудники «Современника» будут «все наши теперь действующие и пишущие знаменитые люди», называет ими Белинского, Майкова, Искандера, Плетнева. В «Летописи» остаются лишь имена Белинского и Искандера, вероятно, из ложной боязни, что читатель заподозрит молодого Чернышевского в излишних симпатиях к литературной деятельности Б. Майкова или Плетнева. От многоточий до тута и драматического переживания.

Составитель неуклонно придерживается принципов, сложившихся в «Летописи» современного Добролюбова в глазах современного читателя. Так, в одном письме 1846 года Чернышевский, говоря о том, что сотрудники «Современника» будут «все наши теперь действующие и пишущие знаменитые люди», называет ими Белинского, Майкова, Искандера, Плетнева. В «Летописи» остаются лишь имена Белинского и Искандера, вероятно, из ложной боязни, что читатель заподозрит молодого Чернышевского в излишних симпатиях к литературной деятельности Б. Майкова или Плетнева. От многоточий до тута и драматического переживания.

Составитель неуклонно придерживается принципов, сложившихся в «Летописи» современного Добролюбова в глазах современного читателя. Так, в одном письме 1846 года Чернышевский, говоря о том, что сотрудники «Современника» будут «все наши теперь действующие и пишущие знаменитые люди», называет ими Белинского, Майкова, Искандера, Плетнева. В «Летописи» остаются лишь имена Белинского и Искандера, вероятно, из ложной боязни, что читатель заподозрит молодого Чернышевского в излишних симпатиях к литературной деятельности Б. Майкова или Плетнева. От многоточий до тута и драматического переживания.

Составитель неуклонно придерживается принципов, сложившихся в «Летописи» современного Добролюбова в глазах современного читателя. Так, в одном письме 1846 года Чернышевский, говоря о том, что сотрудники «Современника» будут «все наши теперь действующие и пишущие знаменитые люди», называет ими Белинского, Майкова, Искандера, Плетнева. В «Летописи» остаются лишь имена Белинского и Искандера, вероятно, из ложной боязни, что читатель заподозрит молодого Чернышевского в излишних симпатиях к литературной деятельности Б. Майкова или Плетнева. От многоточий до тута и драматического переживания.

Составитель неуклонно придерживается принципов, сложившихся в «Летописи» современного Добролюбова в глазах современного читателя. Так, в одном письме 1846 года Чернышевский, говоря о том, что сотрудники «Современника» будут «все наши теперь действующие и пишущие знаменитые люди», называет ими Белинского, Майкова, Искандера, Плетнева. В «Летописи» остаются лишь имена Белинского и Искандера, вероятно, из ложной боязни, что читатель заподозрит молодого Чернышевского в излишних симпатиях к литературной деятельности Б. Майкова или Плетнева. От многоточий до тута и драматического переживания.

Составитель неуклонно придерживается принципов, сложившихся в «Летописи» современного Добролюбова в глазах современного читателя. Так, в одном письме 1846 года Чернышевский, говоря о том, что сотрудники «Современника» будут «все наши теперь действующие и пишущие знаменитые люди», называет ими Белинского, Майкова, Искандера, Плетнева. В «Летописи» остаются лишь имена Белинского и Искандера, вероятно, из ложной боязни, что читатель заподозрит молодого Чернышевского в излишних симпатиях к литературной деятельности Б. Майкова или Плетнева. От многоточий до тута и драматического переживания.

Составитель неуклонно придерживается принципов, сложившихся в «Летописи» современного Добролюбова в глазах современного читателя. Так, в одном письме 1846 года Чернышевский, говоря о том, что сотрудники «Современника» будут «все наши теперь действующие и пишущие знаменитые люди», называет ими Белинского, Майкова, Искандера, Плетнева. В «Летописи» остаются лишь имена Белинского и Искандера, вероятно, из ложной боязни, что читатель заподозрит молодого Чернышевского в излишних симпатиях к литературной деятельности Б. Майкова или Плетнева. От многоточий до тута и драматического переживания.

Составитель неуклонно придерживается принципов, сложившихся в «Летописи» современного Добролюбова в глазах современного читателя. Так, в одном письме 1846 года Чернышевский, говоря о том, что сотрудники «Современника» будут «все наши теперь действующие и пишущие знаменитые люди», называет ими Белинского, Майкова, Искандера, Плетнева. В «Летописи» остаются лишь имена Белинского и Искандера, вероятно, из ложной боязни, что читатель заподозрит молодого Чернышевского в излишних симпатиях к литературной деятельности Б. Майкова или Плетнева. От многоточий до тута и драматического переживания.

Составитель неуклонно придерживается принципов, сложившихся в «Летописи» современного Добролюбова в глазах современного читателя. Так, в одном письме 1846 года Чернышевский, говоря о том, что сотрудники «Современника» будут «все наши теперь действующие и пишущие знаменитые люди», называет ими Белинского, Майкова, Искандера, Плетнева. В «Летописи» остаются лишь имена Белинского и Искандера, вероятно, из ложной боязни, что читатель заподозрит

